**ПСИХОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 159.9:316.477

**РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧЕНОГО
КАК ОБЪЕКТ ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)¹**

© 2019 г. Т. В. Дробышева*, А. Л. Журавлев**

*ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, улица Ярославская, 13, Россия.*

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН.*

E-mail: tdrobysheva@mail.ru

***Академик РАН, научный руководитель, ФГБУН Институт психологии РАН.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 24.12.2018

Аннотация. Излагаются результаты исследования, выполненного по направлению психологии научного творчества. Целью исследования стал анализ становления социального психолога как профессионала, а также формирования и развития его научных интересов. Общим методологическим основанием работы выступил психобиографический подход Б.Г. Ананьева. В качестве основного метода исследования применялся авторский вариант исследовательского биографического интервью. Содержание исследовательского материала включает воспоминания академика РАН, доктора психологических наук А.Л. Журавлева о событиях, связанных с развитием прикладной отрасли психологии — психологии управления и ее связи с управленческой практикой, формированием научных представлений о “совместной деятельности” и “коллективном субъекте”. Изложены взгляды ученого о зарождении и развитии исследований макросоциальных проблем в современной психологии. В работе затрагиваются вопросы о научном вкладе профессионального психолога в развитие отечественной социальной и экономической психологии.

Ключевые слова: история отечественной социальной психологии, Институт психологии Российской академии наук, исследовательское биографическое интервью, личность и профессиональная деятельность ученого, профессиональные интересы, А.Л. Журавлев.

DOI: 10.31857/S020595920004058-9

Данная работа продолжает серию исследований, целью которых стали историческая реконструкция так называемого восстановительного периода (длившегося примерно с конца 50-х и до середины 70-х годов XX в.) в процессе становления отечественной социальной психологии как науки, а также уточнение фактов, новых трактовок событий на следующих этапах ее развития (см. [15–17] и др.). Актуальность такого рода исследований связана с поиском нового фактологического материала, включающего воспоминания известных ученых — непосредственных участников исторических

событий, составляющих содержание развития отечественной науки.

Разрабатывая подход к исторической реконструкции отечественной социальной психологии с помощью метода исследовательского биографического интервью, авторы статьи в методологическом плане опирались на биографический подход к анализу жизненного пути человека как личности и субъекта деятельности, сформулированный в работах Б.Г. Ананьева [1 и др.], а также психологический вариант генетического подхода, ориентированный на “изучение истории развития деятельности той или иной конкретной личности, продуктов этой деятельности, т.е. создаваемых личностью материальных и духовных ценностей” [1, с. 184]. С позиции этих подходов к анализу профессио-

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания № 0159-2018-0003 “Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности”.

нального пути ученого основное внимание фиксируется на его этапах, истории становления и развития научной деятельности и продуктивности профессиональной жизни субъекта научного труда. Таким образом, объектом исследования становится личность ученого, индивидуальная изменчивость его профессиональных качеств и свойств в связи с изменением системы его отношений с окружающим макро- и микросоциальным миром, динамика продуктивности его научной деятельности. В данном случае смена исторических событий выступает системой факторов исследуемой динамики научных интересов ученого, отражающей общественно-исторические условия его профессионального становления².

Для нашего исследования представляется важным иной ракурс этого подхода к анализу профессионального пути ученого, в рамках которого полученные данные о развитии его профессиональных интересов, научного мировоззрения, системы социальных связей на разных этапах его становления как субъекта научной деятельности и т.п. могут быть использованы как фактологический материал для исторической реконструкции конкретных периодов в развитии отечественной социальной психологии.

Новизной данного подхода явилась разработка программы исследовательского биографического интервью, которая в отличие от диагностического или терапевтического вариантов биографического интервью, ориентированных на диагностику состояния и коррекцию личности, преследует цель сбора информации о событиях и фактах жизненного пути человека, его отношении к ним, переживании происходящих событий, раскрывая его жизненный мир, и т.п. [6; 11; 12 и др.].

Применительно к анализу личности ученого метод интервью использовался с целью анализа факторов его профессионального становления (см. [18]). Однако задача восстановления, уточнения, дополнения фактов, событий прошедшего времени в восприятии их участников посредством метода исследовательского биографического интервью ранее не ставилась. С нашей же точки зрения, *вторичный качественный анализ* данных, полученных в результате проведения серии таких интервью с учеными, позволит реконструировать некоторые из ранее неизвестных фактов “восстановительного” и последующих за ним периодов отечественной социальной психологии, роли конкретных ученых,

научных коллективов в формировании ее научных направлений, проблемного поля, научных школ, прикладных отраслей и др. Одной из задач такого рода исследований является конструирование социально-психологического портрета конкретных ученых, выявление их вклада в развитие теории и практики отечественной науки.

Ранее проведенные исследования (с применением этого метода) позволили сформулировать несколько блоков вопросов³, каждый из которых объединен общей темой. Речь идет о следующем: становление и развитие профессиональных интересов ученого; его вклад в развитие отечественной социальной психологии; формирование и развитие научной школы, в рамках которой сформировался ученый, его участие в этом процессе; руководство научным коллективом, роль ученого как руководителя; его взгляды на взаимодействие теории и практики отечественной социальной психологии в прошлом, настоящем и будущем и т.п. Каждый из тематических блоков включал ряд вопросов, ориентированных как на анализ прошедших событий, так и на оценку актуального состояния науки, а также прогнозы ее будущего. Данные по каждой теме могут быть представлены как самостоятельный результат работы или включены в общий контекст исследования. В последнем случае вторичному анализу будут подвергаться только воспоминания. В качестве примера можно привести некоторые итоги исследования по одному из тематических блоков разработанной программы, изложенные в статье авторов данной публикации [9]. В результате вторичного анализа данных, полученных посредством интервью, были уточнены и конкретизированы исторические факты: роль К.К. Платонова, Е.В. Шороховой и Н.С. Мансурова в восстановлении интереса отечественной науки к социально-психологической проблематике, вклад этих ученых в становление и развитие социальной психологии как научной отрасли, формирование ее предметного поля и т.п.

В вышеупомянутой публикации, построенной на материале интервью А.Л. Журавлева, анализировался творческий путь конкретного научного подразделения — лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, ее вклад в развитие отечественной социальной психологии, роль научного руководителя в этом процессе. В настоящей статье будут затронуты вопросы формирова-

² Опыт применения биографического метода в исследованиях психологии научного творчества изложен в работе Н.А. Логиновой “Психобиографический метод исследования и коррекции личности”: Учебное пособие. [12, с. 172].

³ Серия интервью с известными учеными, занимающимися проблемами социальной психологии, такими как А.С. Чернышев, А.Л. Свенцицкий, В.Е. Семенов, В.Н. Панферов, М.И. Воловикова и др., опубликована в электронном научном журнале [15–17].

ния профессиональных научных интересов конкретного ученого, в частности его взгляды на взаимные связи знаний в области психологии управления и управленческой практики.

Таким образом, целью исследования стало выявление содержания основных этапов формирования и развития научных интересов ученого. *Объектом* данного исследования явилась его личность и профессиональная деятельность. В качестве *предмета исследования* выступили элементы биографической памяти (воспоминания) о происходящих событиях в период становления научных интересов ученого, а также представления о проблематике, направлениях научной и практической деятельности в разные периоды его творчества.

Ниже представлено содержание интервью с А.Л. Журавлевым. Вопросы разработала и задавала Т.В. Дробышева.

* * *

Т.Д.: Анатолий Лактионович, наш сегодняшний разговор будет посвящен вопросам формирования и развития Ваших научных интересов. Вы — специалист в разных областях социальной психологии, однако обе Ваши диссертации (кандидатская и докторская) были посвящены психологическим проблемам организации и управления совместной деятельностью трудового коллектива...

— *Что повлияло на выбор данной темы научно-исследовательской деятельности? Ваш опыт работы токарем на предприятии⁴ или профессиональная подготовка в Университете⁵? Или что-то иное? К примеру, социальный запрос?*

А.Ж.: Этому предшествовал длинный путь поиска себя в психологической науке в целом. В Университете, к примеру, я интересовался исследованиями в области сравнительной психологии. Научным куратором этого направления работ на кафедре общей психологии в то время была Нина Александровна Тих. Под руководством ее дочери, доцента Ю.Г. Трошихиной, выполнялась моя дипломная работа, посвященная экспериментальному исследованию мнемических функций у обезьян (павианов-гамадрилов) и детей разного дошкольного возраста.

После окончания университета я два года занимался преподавательской деятельностью в Ярославском государственном университете. Соответ-

ственно, поменялась и направленность научных интересов. Они были связаны с разработкой тех курсов, которые я преподавал. В тот период в большей степени меня интересовали проблемы дифференциальной психологии и психофизиологии, психологии индивидуальности. Выбору этого научного направления во многом способствовали сформировавшиеся базовые научные представления о человеке, его индивидуальности, представленные в работах Бориса Герасимовича Ананьева, с которыми я подробно познакомился в Ленинградском государственном университете, специализируясь на руководимой им кафедре общей психологии. Позже, принимая решение о поступлении в аспирантуру Института психологии АН СССР (ИП АН СССР; далее — Институт), я планировал продолжить исследования в данном научном направлении и даже обсуждал план реализации исследования в области дифференциальной психологии памяти с потенциальным научным руководителем — Владимиром Михайловичем Русаловым. Однако после сдачи экзаменов ко мне обратился директор Института Борис Федорович Ломов, который неожиданно для меня сформулировал просьбу (фактически речь шла о поручении, но по форме это была просьба) заняться проблемами психологии управления. В качестве аргумента он высказал суждение о том, что дифференциальная психофизиология, которая разрабатывалась в нашем Институте коллективом исследователей под руководством Владимира Дмитриевича Небылицына (он к тому времени уже погиб), является сильным и перспективным направлением психологической науки, но, как сказал Ломов, «она обойдется без Вас, а психология управления без Вас не обойдется». Поскольку в то время (это был 1973 г.) я не имел никаких представлений о проблемах психологии управления, то высказал свои сомнения (скорее, это были даже опасения) Ломову в целесообразности такого решения. Однако в этом вопросе Ломов предложил опереться на знания и опыт профессора Владимира Федоровича Рубахина, который должен был переехать в Москву из Ленинграда. Позже, занимаясь поиском и анализом существовавшей научной литературы, я обнаружил, что желание Ломова развивать это научно-практическое направление исследований было обусловлено выраженным социальным запросом на разработку психологических проблем управления.

Следует заметить, что в конце 60-х и начале 70-х годов XX в. активно развивалась наука об управлении (современный менеджмент). Со стороны государственных структур был сформулирован заказ по «совершенствованию системы управления народным хозяйством», выполнением кото-

⁴ В период учебы в техникуме А.Л. Журавлев работал на промышленном предприятии.

⁵ С 1967 по 1972 г. проходил обучение на факультете психологии Ленинградского государственного университета (далее — Университет).

рого занимались известные ученые и научные коллективы из разных отраслей науки, становившиеся специалистами в области управления. О фундаментальности и одновременно практичности этого междисциплинарного комплексного направления исследований можно судить по ряду фактов: проведение Всероссийских научных конференций, выпуск монографий и коллективных научных трудов, подготовка докторских и кандидатских диссертаций. В этом крупном проекте работали такие известные специалисты, как: социолог, академик АН СССР Джермен Михайлович Гвишиани, который хорошо владел знаниями о разработке проблем управления в зарубежной науке, их состояние он изложил в своих аналитических, теоретических трудах [3–5]; социальный философ, академик АН СССР Виктор Григорьевич Афанасьев, книга которого “Научное управление обществом” [2] и другие монографические работы стали классическими трудами в области управления; экономист, доктор экономических наук Гавриил Харитонович Попов, в 1973 г. — заведующий отделом Института научной информации по общественным наукам АН СССР, занимавшийся разработкой методов управления [13; 14]; доктор экономических наук, профессор Соломон Ефремович Каменицер [10] и другие видные специалисты. Однако исследованиями психологических проблем управления в то время никто не занимался, тем не менее актуальность их изучения была очевидной. Логично, что разрабатывать данное направление исследований было предложено (возможно, поручено) Борису Федоровичу Ломову как директору Института психологии Академии наук СССР.

Конечно, в 1973 г. я не осознавал столь глубоко связь между запросом общественной практики и организацией новых научных направлений. Такое знание пришло спустя много лет, в период выполнения должностных обязанностей директора Института психологии РАН. Однако, возвращаясь к началу нашего разговора, я могу точно сказать, что тема моих исследований по кандидатской и докторской диссертациям была связана с разработкой нового научного направления в Институте психологии АН СССР в связи с социальным заказом, поступившим директору Института — Борису Федоровичу Ломову, со стороны правительственных структур и представителей смежных научных организаций, прежде всего философов, экономистов, социологов и др.

Впоследствии психология управления стала активно развиваться в нашей стране, но первое диссертационное исследование в этой области было выполнено именно в нашем Институте, мною, под

руководством Владимира Федоровича Рубахина, работавшего в тот период заместителем директора по науке [7]. Благодаря его рекомендации меня прикрепили для выполнения диссертационного исследования к сектору философских проблем психологии, на базе которого через месяц был организован новый сектор социальной психологии. Там я и познакомился с Константином Константиновичем Платоновым, Екатериной Васильевной Шороховой, Маргаритой Исидоровной Бобневой и др. Это был ноябрь 1973 г. Интересно, что мое зачисление в аспирантуру по приказу было произведено 16 ноября 1973 г., а в декабре этого же года был создан сектор социальной психологии (на правах лаборатории). Позже я узнал, что Маргарита Исидоровна тогда спросила окружающих ее сотрудников: “А под кого создан этот сектор социальной психологии?” и сама же ответила: “Вот, под Журавлева...”. Кто-то уточнил: “А кто это?”. Она ответила: “Это наш новый аспирант”. Все посмеялись! Спустя много лет, в 1987 г., когда я был назначен заведующим лабораторией социальной психологии, она напомнила: “Вы помните, что я Вам и другим говорила? Я была права”.

Т.Д.: *Спустя 13,5 лет?! Как она могла предвидеть это событие?*

А.Ж.: Конечно же, в 1973 г. она оценивала не меня, а перспективность, востребованность и масштабность самого научного направления исследований того времени — психологии управления. Она понимала, что для разработки такого направления требуются человеческие ресурсы, аккумулированные для решения поставленной задачи. В этом случае нужно было организовать коллектив исследователей, которыми могли бы стать в том числе и сотрудники лаборатории.

Т.Д.: Вы стали заведующим лабораторией будучи кандидатом наук, защитившим первую диссертацию по психологии управления. То есть к тому времени Вы уже обладали каким-то запасом знаний в этой области.

— *В какой степени Ваши знания как исследователя проблем управления помогли Вам в Вашей же практической деятельности в должности руководителя? И наоборот, опыт управленческой работы помог Вам сформулировать новые научные проблемы в области психологии управления?*

А.Ж.: Вопрос непростой! Конечно же, взаимодействие между знаниями об управлении и опытом управленческой практики присутствует. Во-первых, управленческая деятельность помогала мне верифицировать знания об управлении, проверять их валидность, точность, практическую полез-

ность. Во-вторых, она помогала мне уточнять формулировки тех научных проблем, которые нам приходилось изучать. Основные идеи в области психологии управления разрабатывались не только в недрах данного направления исследований, но и в области психологии труда, психологии личности, психологии трудовых коллективов, психологии организаций, социальной психологии в целом.

Т.Д.: *То есть психология управления изначально зарождалась как междисциплинарное направление?*

А.Ж.: Конечно. Именно названные социально ориентированные отрасли психологии, а также некоторые парциальные области социально-психологических исследований и определяли внутреннюю закономерности развития конкретного научного направления. В то же время многие идеи порождались и самой социальной жизнью общества. Процесс развития общества становился практическим источником идей в области психологии управления. Управленческая практика позволяла нам проверять жизнеспособность этих идей.

Говоря о роли науки управления в практике, причем не только психологии управления, замечу, что знания в этой области влияли на организацию управленческой деятельности, на принятие мною решений как руководителя. Однако речь идет не о переносе каких-то конкретных знаний, а об опоре на общие принципы управления. Управленческие системы в целом очень динамичны, они зависят от ситуации и определяются системой факторов, но есть общие закономерности и общие принципы управления. Конечно, анализ некоторых проблем управления, например социально-психологических методов руководства, социально-психологических методов воздействия руководителя на исполнителей, на трудовой коллектив, основывается и на опыте отдельных очень ярких и успешных руководителей. Если специально изучать этот опыт, т.е. анализировать, выделять в нем что-то важное, обобщать и систематизировать, то такое знание будет играть важную роль в управленческой практике. В качестве примера я бы привел опыт генерального директора научно-производственного объединения “Курганприбор” Евгения Васильевича Таранова. Я несколько раз бывал в командировках в Кургане и специально занимался анализом и обобщением этого опыта. Он многое мне дал в будущем как для использования в управленческой практике, так и для развития научных идей и разработки научного направления. Другой пример связан с опытом руководства научным коллективом директора нашего Института — Бориса Федоровича Ломова. Сначала замечу, что в своей организа-

ции предпочтительно не изучать опыт работы руководителя. Поэтому в отличие от “Курганприбора” я не исследовал его специально, а просто продолжительное время (в течение 15 лет) наблюдал со стороны, подмечал что-то важное и интересное для себя, слышал мнения сотрудников. Впоследствии результаты этих наблюдений оформились в самостоятельную публикацию, содержание которой мне дорого. Но я подчеркиваю, что даже такой опыт, опыт деятельности конкретного руководителя, требует специального анализа, специального изучения. Вспоминается случай, когда мы сидели с Ломовым за столом на каком-то праздничном мероприятии, и он неожиданно меня спросил (замечу, когда задавал мне какие-либо важные вопросы или был мною чем-то недоволен, то всегда обращался ко мне — Сэр): “Сэр, а как Вы считаете, Ваш руководитель, Ваш директор, к какому психологическому типу стиля относится? Не можете ли Вы описать, кратко представить его?”. Не особенно задумываясь, я отреагировал: “Борис Федорович, чтобы ответить на Ваш вопрос, я должен провести исследование, а потом уже описывать стиль Вашего руководства”. Впоследствии то спонтанное суждение, которое я высказал Ломову, стало моим принципом отношения к руководителям. Проводя исследования в области психологии руководства, я старался не характеризовать того или иного руководителя с позиции — какой он. Этот опыт исследователя я получил благодаря взаимодействию с Борисом Федоровичем.

Т.Д.: *Были ли в Вашей практике какие-то конкретные случаи, когда Ваши знания как исследователя в области психологии управления и реальность Вашей деятельности как руководителя находились в антагонистических отношениях? Если можно, проиллюстрируйте на примере.*

А.Ж.: Конечно. В моей практике руководства таких ситуаций было очень много.

Т.Д.: *Можно привести какой-нибудь конкретный пример?*

А.Ж.: Назвать конкретных людей или описать конкретные случаи я не могу из этических соображений. Скажу лишь, что применение знаний о так называемом эффективном или оптимальном управлении в реальных ситуациях управленческого взаимодействия с людьми часто сталкивается с этическими проблемами, которые сопровождают это взаимодействие. Более того, очень часто знание и практика находятся в конфликтных отношениях. Например, во взаимодействии руководителя с исполнителями важным принципом, регулирующим их отношения, является недопустимость лжи. То есть руководитель должен говорить исполните-

лям правду. Это очень важное условие успешного управленческого взаимодействия. Однако в той или иной реальной ситуации выясняется, что более оптимальной тактикой успешного руководства является сокрытие какой-то негативной информации. Например, негативной информации об оценке работы конкретного сотрудника. Если следовать общему принципу эффективного руководства, то я как руководитель должен сказать правду, должен высказать оценку его деятельности. Это важно для решения общих задач. Однако часто у меня возникало внутреннее противоречие, в котором одной альтернативой является — "...а может быть, об этом не говорить, сделать акцент на том, что нужно развивать, и не говорить правду?". Другая альтернатива — "следовать общему принципу и все же сказать правду". Вот в таких ситуациях я очень часто не говорил правду. То есть приходилось скрывать негативную информацию о сотруднике или результатах его работы, негативные оценки каких-то его действий, например доклада на конференции или ответов на какие-то публично заданные вопросы, или официальные экспертные оценки публикаций... Я до сих пор не знаю, какой из двух вариантов в таких ситуациях является более адекватным, правильным. Тем не менее убежден, что когда возникает противоречие между общими принципами управления, принципами руководства и такими ситуациями из реальной управленческой практики, надо воздержаться или по крайней мере дать хоть какую-то отсрочку тому, чтобы высказывать исполнителю негативные оценки или суждения.

Т.Д.: *Анатолий Лактионович, правильно ли я поняла, что поскольку теория управления содержит более обобщенные знания, то в ней отсутствует прикладное знание о нравственной регуляции управленческого взаимодействия, об алгоритмах (способах, приемах) нравственного разрешения подобных управленческих дилемм?*

А.Ж.: Не могу согласиться с этим. Морально-нравственный фактор регуляции поведения руководителя в теории учитывается. Однако интенсивность его действия и учет ситуации недостаточно представлены. К примеру, на практике бывают случаи, когда руководитель с целью сделать работника более управляемым намеренно использует прием передачи ему более точной и полной информации о негативной оценке его деятельности. В теории же конкретная ситуация не может учитываться, в ней знание носит обобщенный характер. Опытный руководитель знает, каким образом то или иное знание применять к конкретным ситуациям, конкретным людям. Важно ведь учитывать соци-

альную чувствительность исполнителей к внешним оценкам, к обратной связи...

Другой пример — ситуация взаимодействия руководителя с малоэффективными исполнителями. Как правило, они профессионально подготовленные, но немотивированные. В психологии управления это определяется как "низкомотивированное исполнение". В разных коллективах таких исполнителей бывает не так уж мало. Проблема в том, что повысить уровень мотивированности этих людей на практике чрезвычайно сложно, так как по основному месту научной работы (там, где трудовая книжка) они не хотят реализовываться. Их устраивает выполнение минимального объема работы. Часто они более успешны (и в материальном плане тоже) в других сферах своей деятельности, но официально оформить свои отношения со сторонними организациями не хотят или не могут по ряду объективных и субъективных причин. Есть еще один тип исполнителей. Это те, которые открыто не выполняют поручения. В обоих этих случаях наука управления дает руководителю знание о том, как надо действовать в сложившихся ситуациях. Например, переходить к другим способам воздействия на исполнителя — административно-правовым, т.е. использовать разные формы негативной оценки, наказания, санкций. Решения такого типа управленческих проблем рассматриваются в психологии управления и теории в целом. Но мне всегда было сложно воспользоваться этим знанием, поэтому я очень часто просто перепоручал задание кому-то другому. Конечно, это не соответствует тому, что трактуется в науке управления. Подобного рода противоречий в моей практике управления было очень много.

Т.Д.: *Следует ли из этого, что область взаимодействия управленческой теории и практики внутренне конфликтна для любого руководителя или это специфично только для Вас как специалиста, занимающегося теоретическими вопросами психологии управления и применяющего эти знания на практике?*

А.Ж.: Управленческая деятельность в целом вся внутренне конфликтна. В моем опыте наиболее интенсивно проявлялась напряженность в ситуациях противоречия между нормами эффективного управления и нормами этическими. К сожалению (наверное), я не добивался применения эффективных форм управления в условиях таких противоречий, разрешая их в пользу учета нравственных норм взаимодействия. К примеру, в теории четко определено, что должен быть баланс между решением оперативных задач, оперативных вопросов, среднесрочных вопросов и стратегических вопросов. В моей же практике оперативные вопросы от-

нимали очень много времени, поскольку я не вводил жесткие ограничения по времени их решения, подчас откладывал решение стратегических задач или мало уделял им внимания... В то время как это необходимо было делать. Проблема в том, что оперативными вопросами исполнители часто не хотят заниматься, поэтому руководитель вынужден сам решать такого рода задачи. В результате стратегическим вопросам уделяется меньше времени, а это уже нарушение правил эффективного управления. То есть противоречия в моей управленческой деятельности порождались не только проблемами взаимодействия с людьми, но и рядом других вопросов. Здесь важно сказать, что я все понимал, осознавал и, конечно, переживал, что разрешаю эти противоречия не в пользу эффективного руководства...

Т.Д.: Вернемся к разговору о Вашей научной деятельности. В более ранний период Вы уделяли внимание в большей степени проблемам психологии малых групп и первичных трудовых коллективов, экономической психологии, психологии управления... Анализируя тематику Ваших публикаций последних лет, можно заметить явное преимущество исследований, предметом которых являются феномены не столько микросоциальной, сколько макросоциальной психологии...

— *В чем причина изменения вектора Ваших научных интересов? Веление времени? Изменения в мировоззрении, отношении к окружающему миру? Что-то иное?..*

А.Ж.: Этот вопрос мною до конца не отрефлектирован, но он очень важен для меня. Я давно (примерно около 20-ти лет назад) стал дифференцировать социальную психологию на микросоциальную и макросоциальную. Ранее подобное различие, но в других терминах, также присутствовало в научном дискурсе социальных психологов. Например, использовались такие формулировки, как “психологическая социальная психология”, “социологическая социальная психология” и т.п. Помню, как Лев Ильич Уманский говорил: “Есть социальная психология, и есть социальная психология”, используя для дифференциации ударение. Мне ближе было терминологическое обозначение “микросоциальная психология” и “макросоциальная психология”. Всегда был удовлетворен тем, что занимался исследованиями в том направлении, которое разрабатывалось в микросоциальной психологии, т.е. психологическом направлении социальной психологии. В сферу моих научных интересов были включены: личность в группе, межличностные отношения, малые группы, первичные коллективы и, в какой-то степени, межгрупповые отно-

шения. Уточню, речь идет о межгрупповых отношениях первичных коллективов внутри какой-либо более крупной организации, в том числе среднего размера. Этим спектром объектов исследования я и ограничивал круг своих научных интересов. Они были близки к тем, которые разрабатывались в психологии личности, психологии труда и управления и др.

Вопрос о *причинах* изменения направления исследований, сформулированный Вами, заставил меня задуматься. Действительно, мой интерес к макросоциальным психологическим исследованиям формировался и реализовывался в последние примерно 25 лет. Думаю, одной из причин является накопленное за многие годы знание того, что микросоциальные процессы во многом определяются макросредой, макросоциальными факторами. На первых этапах исследовательской деятельности эта связь мною не просматривалась так явно, как впоследствии. Микросоциальные процессы как объект исследования всегда представляли большой интерес, но понимание того, что их изучение невозможно без учета состояния и изменения макросоциальных факторов, пришло позже. Не скажу, что мы не знали об этой связи. Конечно, знали, но не умели конкретно учитывать этот факт. В исследованиях подчеркивалось, что мы информированы о макросоциальном влиянии, но пока намеренно его не изучаем. Со временем, по мере накопления данных, наши допущения о возможности игнорирования макросоциального влияния стали противоречить полученным фактам. Возникла проблема сопоставления и обобщения данных, выявленных на сходных группах одними и теми же методами. Постепенно пришло и понимание того, что причина противоречий связана с игнорированием влияния макросоциальных факторов, поэтому надо было менять отношение к этому факту.

Вторая причина обращения к макросоциальной проблематике связана с теми радикальными изменениями в российском обществе, которые с 1992 г. происходили в нашей стране. Изменение социально-экономической ситуации в стране стимулировало многих исследователей, и меня в том числе, специально заняться изучением роли и психологического содержания макросоциальных факторов. Фактически к середине 1990-х годов я пришел к убеждению, что в области социальной, организационной и экономической психологии, а также психологии личности, труда и управления принципиально важно подходить к изучению тех или иных феноменов с психосоциальных позиций. То есть в исследовании социальное влияние стало рассматриваться мною не только как возможный “фон”,

но и как социальная “фигура”. Соответственно требовалось фиксировать, определять, оценивать его, изучать психологические переменные именно во взаимосвязи с социальными факторами.

Т.Д.: *Не могли бы Вы на каком-то конкретном примере проиллюстрировать организацию исследования с позиции психосоциального подхода?*

А.Ж.: Да, конечно. К примеру, в многолетнем исследовании, выполнявшемся В.П. Позняковым, была поставлена задача изучения социально-психологических характеристик предпринимателей центрального, европейского и сибирского регионов. Разница между ними оказалась существенной, но простое сопоставление не могло дать понимания роли регионального фактора. С позиции психосоциального подхода необходимо было описать специфику конкретных регионов, в которых проводилось исследование, отличие одного региона от другого, при этом нужно было уравнивать группы респондентов по другим социально-демографическим факторам. Только тогда можно было сформулировать и проверить предположение о влиянии регионального фактора, причем объяснив его. Другой пример. Радикальные изменения, которые происходили в российском обществе в 90-е годы XX в., коснулись и форм собственности. Психосоциальный подход ориентирует нас на то, чтобы фиксировать группы предприятий, которые находятся в одном регионе, но имеют разные формы собственности. Для изучения микросоциальных психологических явлений (возможно, микросоциально-психологических) мы должны уравнивать всех работников этих предприятий, включенных в исследование, по социодемографическим, а также по каким-то другим значимым для работы характеристикам (например, по опыту работы, стажу и т.п.). И только тогда мы сможем определить направление и характер влияния макросоциального фактора — формы собственности на предприятия на изучаемые характеристики работников или первичных трудовых коллективов. Таких примеров можно привести много.

Т.Д.: *Возвращаясь к нашему разговору о причинах изменения Ваших научных интересов, скажите, связано ли это было с изменением научного мировоззрения?*

А.Ж.: Это третья причина. Безусловно, такая связь прослеживается. Регуляция рефлексии зависимости микросоциальной динамики от макросоциальных изменений постепенно привела к изменениям в моем научном мировоззрении. В частности, это привело к формированию глубокого и устойчивого интереса к *социогуманитарной междисциплинарности*. Речь идет об интеграции психо-

логического знания с данными других наук в общую систему социогуманитарного знания. В моих представлениях это позволит согласовывать, сравнивать, анализировать знания о психологическом с разных точек зрения, т.е. рассматривать полученные в исследованиях данные с позиций социологии, философии, юриспруденции, экономики, выделять в них то, что согласуется с социогуманитарным знанием в целом. Такая позиция сформировалась во многом благодаря взаимодействию с коллегами в Отделении общественных наук РАН, особенно в рамках нашей Секции философии, политологии, социологии, психологии и права.

Есть и четвертая причина. Она обусловлена фактом взросления. Когда я был молодым научным сотрудником, мне было интересно изучать именно микросоциально-психологические явления, в частности то, как личность проявляет свои социально-психологические качества по отношению к другому человеку, по отношению к своей или другой группе. Даже в исследованиях первичных трудовых коллективов я в большей степени ориентировался на небольшие по размеру группы, поскольку было проще понять закономерности, факторы и механизмы совместной деятельности людей. Да и методический инструментарий, которым мы владели, был предназначен для исследований личности и малой группы. Например, когда проводились исследования коллективных форм труда, то преимущественно изучались небольшие трудовые группы (до 25–30 человек), а объединенная бригада включает уже от 50 до 120 человек. Они слабо знают друг друга, не ходят друг к другу на дни рождения или вместе на футбол, не обсуждают за кружкой пива текущие проблемы... Как тут разобраться с механизмами взаимодействия? Чем и как измерять? Постепенно выяснилось, что все они идентифицируют себя с этим коллективом, что в такой бригаде есть ядро и т.п. Другой пример. При изучении совместной деятельности в строительных отрядах столкнулись с влиянием регионального, конфессионального, этнического факторов, не учитывать которые было нельзя. Однако люди объединялись и эффективно взаимодействовали друг с другом, несмотря на существовавшие региональные, этнические и другие различия... И снова возникала проблема методической неготовности к изучению больших социальных групп. Только по мере взросления я стал осознавать, что эти большие группы не только интересны как самостоятельные объекты исследования, но и то, что они играют важнейшую роль в характере протекания микросоциально-психологических процессов.

Этот фактор взросления сказался на становлении моего научного мировоззрения. Проявившийся интерес к изучению больших социальных групп не только был связан со становлением взглядов на социогуманитарную междисциплинарность, но и стимулировал переход к *системным* исследованиям. В них было необходимо контролировать многофакторность, комплексность изучаемых феноменов, но при этом было невозможно использовать привычные экспериментальные схемы, характерные для классических лабораторных экспериментов. Пришло понимание того, что с помощью лабораторного эксперимента мы можем изучать очень ограниченную совокупность явлений, что более реально проводить исследования не на моделях в искусственно созданных условиях, а в реальных социальных условиях. В этой связи, конечно, менялось мое мировоззрение не только в теоретическом, но и в методическом плане. С этим связан переход к принципиально другим формам организации исследования, когда способы интерпретации становятся важнейшими его составляющими.

Все это в совокупности и привело к тем изменениям в научной проблематике, которые Вы точно подметили.

Т.Д.: *А в настоящее время какой спектр социально-психологических проблем для Вас наиболее интересен как для исследователя?*

А.Ж.: Сложно ответить однозначно. Много, но прежде всего современное развитие психологических составляющих так называемых глобальных процессов, глобальных явлений. Здесь речь идет о переходе психологического, социально-психологического анализа на новый, другой уровень. Ранее актуальные представления о макросоциальных условиях, макросоциальных факторах, которые характеризуют то ли иное общество, уступили место новым. В научном сообществе формируются представления о глобальных явлениях, которые существуют вне конкретного общества, как бы над ним. Речь идет о так называемых глобальных группах, глобальных сообществах, глобальных социальных образованиях. Примером выступают глобальные *сетевые сообщества*, которые достаточно, хотя и относительно, интегрированы, но на совершенно разных основаниях. В связи с этим у меня, как у социального психолога, возникает ряд вопросов, на которые я хотел бы найти ответ. В частности, на каких основаниях интегрируются эти глобальные сетевые сообщества, насколько они устойчивы или изменчивы? Мне интересно, каким образом психологические феномены как компоненты интегрируются в эти глобальные явления...

Мне интересны не только глобальные процессы. Важно понимать и состояния, и свойства этих глобальных сообществ. Например, геополитические отношения как объект социогуманитарных междисциплинарных исследований привлекают внимание большого числа специалистов. Они характеризуют человечество в целом или очень-очень крупные регионы. Думаю, правы те, кто считает, что глобальные процессы, процессы универсализации сопровождаются, дополняются *процессами регионализации* современного глобального мира. Согласен с тем, что это взаимосвязанные процессы. По моему мнению, глобализация как универсализация не может сосуществовать только в такой форме. Глобализация как регионализация — это тоже форма проявления глобализационных процессов. Конечно, здесь много неясного и интересного, но прежде всего меня привлекают возможности психологической науки, психологического анализа, возможности использования каких-то методов, о которых я пока не знаю. Где бы они ни были разработаны, желательно, чтобы они использовались с целью выявления роли психологических переменных в становлении, функционировании, развитии, распаде самых разных форм глобальных сообществ. В настоящее время, пожалуй, это самые важные составляющие моих научных интересов. Конечно, я не могу прогнозировать, насколько эти интересы будут устойчивыми, но пока они сохраняются.

Т.Д.: *Анатолий Лактионович, есть ли какие-то социально-психологические явления, изучением которых Вы хотели бы заниматься, но время... либо ушло, либо еще не наступило, или пока не созданы условия для реализации этих планов?*

А.Ж.: Интересный вопрос!.. Действительно, есть несколько идей, которые я не реализовал. Причины интереса к тому, чем я так и не стал заниматься, связаны с историей моей семьи, точнее, глубокой историей моего рода — многопоколенной семьи, а следовательно, и моей историей. Речь идет, во-первых, об изучении *роли архетипического* в психологии человека и в психологии социальной группы, как оно проявляется в психике и поведении. Причем мне хотелось бы изучать это не на уровне анализа самой идеи — она сформулирована, имеет авторство, а на уровне выполнения конкретных исследований. Я много раз себя ловил на том, что я не философ, поэтому мне обязательно нужна модель какого-то специально организованного эмпирического исследования с использованием соответствующих методов и методик. Но проблема заключается в том, что современная экспериментальная наука пока не располагает ме-

тодами исследования, адекватно соответствующими данному интересу. Кроме того, для проведения такого рода исследований необходим соответствующий уровень развития методологии конкретной исторической психологии...

Вторая проблема, может быть даже более неосознаваемая, непонятная для меня самого, но тоже идущая из глубинной истории, — это понимание места, *роли духовности* в жизнедеятельности человека. Причем духовности в самом широком плане, и я не хочу в данном случае жестко разделять светское и религиозное понимание духовности. Эта проблема меня очень волнует, причем чем старше я становлюсь, тем больше возвращаюсь к этому вопросу и тем больше осознаю свою беспомощность как исследователя (т.е. на уровне организации конкретного эмпирического исследования).

Т.Д.: *Вы осознали роль архетипического в психологии человека и группы в более зрелом возрасте?*

А.Ж.: Нет. Такой интерес осознаю со студенческого возраста. Думаю, это вообще не связано с возрастом. Есть взрослые люди, которые никогда не задают себе этот вопрос. К сожалению, я явно недостаточно знаю глубинную историю своего рода, т.е. только до определенного поколения. Могу лишь смутно догадываться, что в истории моей семьи были священники. Кстати, общаясь с одним из профессиональных историков, питающих интерес к исторической психологии, я и услышал это предположение. Он сказал: “В истории Вашей семьи точно были священники, и даже не одно поколение”. Так что это тот вопрос, который связан с осознанием глубинной истории моего рода.

Т.Д.: *Понятно, что к разработке этих проблем ранее Вы не были готовы. На мой взгляд, кроме методического оснащения здесь нужны еще и жизненная мудрость, нажитый опыт и личностная зрелость... Почему же сейчас Вы этими проблемами не занимаетесь, больше говорите о глобальных процессах. Можете, еще время не пришло?*

А.Ж.: Я и сам не раз задумывался над тем, почему не обратился к этим вопросам ранее, когда к ним обращались другие люди, которых я знал... Сложно ответить... Думаю, я боялся, что эти проблемы меня полностью поглотят, что другие интересы надо будет ограничить...

Почему сейчас не занимаюсь этим? Наверное, потому что более остро осознаю ответственность. Понимаю, что мне чего-то не хватает, чтобы глубоко и серьезно заниматься разработкой этих проблем. Поэтому я проявляю интерес к ним, стимулируя других заниматься ими.

Т.Д.: *А может быть, Вы понимаете, что должны будете отказаться от всего остального?*

А.Ж.: Безусловно, но это не основная причина. Думаю, для того чтобы заниматься этими проблемами, человек должен пройти большой путь духовной жизни, аккумулировать, накопить духовный опыт, опыт сложнейшей духовной деятельности. У меня нет такого опыта, но я всегда чувствовал и по-прежнему чувствую в себе потребность и интерес к духовной жизни. Это мне, по-видимому, передалось от деда Павла. В моей памяти навсегда осталась ежедневно повторяющаяся картина молящегося деда, который стоял на коленях перед огромной иконой Николая Чудотворца. Мы жили с ним в одном доме не так долго (мне было всего 11 лет, когда мы с родителями переехали к нему жить, а через 5 лет он ушел из жизни). Тем не менее его влияние на мое отношение к духовной жизни, системе духовных ценностей оказалось ключевым.

Пожалуй, эти два возможных направления исследований, связанных с влиянием архетипического и ролью духовности в жизни человека, я не реализовал и, скорее всего, мне уже не удастся это сделать.

Т.Д.: *Время покажет... Вернемся к тому, о чем мы говорили ранее, к исследованию проблем руководства. В настоящее время у Вас нет публикаций по проблемам руководства.*

— *Почему Вы отказались от продолжения этого направления исследований? Нашли для себя ответы на поставленные вопросы?*

А.Ж.: Изменение приоритетного научного направления — это закономерный процесс в жизни каждого исследователя. Если заглянуть в историю, проблемы психологии исполнительской деятельности я эмпирически разрабатывал в течение двух лет (1977–1978 гг.), впоследствии вышло несколько публикаций, последняя — в 2007 г. [8]. Но вернуться к этому уже невозможно. В настоящее время эта проблематика перешла из разряда научных исследований в некоторые научно-практические, прикладные направления, связанные с разработкой практики и технологий управления. Социального заказа на разработку новых концепций, развитие теоретических представлений, некоторых общих закономерностей, как это было в начале 1970-х годов, тоже нет. Кроме того, когда появляются научные проблемы, изучение которых дает более интересные и актуальные результаты, то естественным образом меняются и сами научные приоритеты.

Т.Д.: Как Вы пришли к разработке широко известных сегодня феноменов “совместная деятельность” и “коллективный субъект”? Что стимулировало Ваш интерес в этом направлении исследований?

А.Ж.: Ранее я никогда не задумывался над этим вопросом, но попробую сформулировать краткий ответ.

Управленческая деятельность, изучением которой я занимался в рамках психологии руководства и управления, представляла для меня интерес не сама по себе, а с позиции организации совместной деятельности трудового коллектива. Я хорошо осознавал, что ее нельзя изучать в отрыве от совместной деятельности. Поэтому с 1980 г. стал задумываться о закономерностях организации совместной трудовой деятельности, ее структуре, функционировании, развитии, изменении. Результатом в том числе моих размышлений стала научная программа по изучению психологии совместной деятельности, которая была подготовлена сектором социальной психологии ИП АН СССР и подробно обсуждена на заседании Ученого совета нашего Института в июле 1981 г.

Т.Д.: Какая именно Ваша ключевая идея лежала в ее основе?

А.Ж.: В результате анализа совместной деятельности реальных трудовых коллективов я пришел к выводу, что между ними существует ряд важных различий. Причем не только те, которые связаны с содержанием труда, составом трудовых групп и т.п., но и те, которые определяют успешность, согласованность, организованность, сплоченность, ответственность, исполнительность и т.п. трудового коллектива. Все эти характеристики я обобщил и выразил через понятие “коллективный субъект”, которое трактовалось как особое качество действующего коллектива, проявляющееся в разных его свойствах и состояниях. Постепенно пришло понимание того, что основной признак “коллективного субъекта” — это наличие *совместной активности*. В моей концепции данная характеристика действующего (реального) коллектива является чрезвычайно важной, принципиальной. Таким образом, я подошел к описанию сначала феноменов, а потом и понятия коллективного субъекта совместной трудовой деятельности. Такая рефлексия требовала знаний, как минимум, из опыта наблюдений в других сферах деятельности, прежде всего в области спорта.

Т.Д.: Командных видов спорта?

А.Ж.: Безусловно. К примеру, в середине 1970-х годов, в период распространения так называемого тотального футбола, были известны разные футболь-

ные команды, успешно выступающие на соревнованиях. Среди них всплывает в сознании образ сборной Голландии того периода. Это была уникальная команда с высоким уровнем слаженности, согласованности, взаимозаменяемости, командного духа в целом. Другая команда, образ которой мне меньше нравился в спортивном плане, — это сборная Германии, ее называли и тогда, и сейчас “немецкая машина”. Однако в плане организации совместной деятельности они обе представляли собой иллюстрацию “коллективного субъекта”, настолько слаженно и согласованно они играли. Аналогичные примеры можно привести из области хоккея. “Красной машиной” называли сборную Советского Союза времен Харламова, Петрова, Якушева, Мальцева и др. Использование в данном контексте термина “машина” указывало на то, что речь идет о качестве команды как единого организма, не выделяя в системе первый, второй и другие элементы этой “машины”. Акцент ставился на их связях, согласованности, “притертости” каждого элемента к другому или другим элементам.

Т.Д.: При введении в научный тезаурус понятия “коллективный субъект”, Вы сталкивались с какими-либо контраргументами?

А.Ж.: Да, конечно, споры были. Мои оппоненты утверждали, что никакого коллективного субъекта нет, есть группа рабочих, выполняющих какое-то задание. В качестве аргумента своей позиции я приводил пример работы бригады, выполняющей сборку механизма: “...замените их на других людей или выведите из бригады хотя бы одного человека и результат будет уже не тот. То, что бригада из шести человек может сделать впятером, она не может выполнить задачу, когда остаются работать четыре человека”. Почему? Да потому что в бригаде есть четкое и строгое распределение функциональных нагрузок. Другой пример — сборная Голландии по футболу. Обращаясь к оппонентам, я спрашивал: “...разве Вы не видите, что это единый субъект? Это не десять игроков, и одиннадцатый — на дистанции, а это единое образование...”. В то время я пытался доказать, что такое явление, как “коллективный субъект”, существует и имеет разные качества, разные формы проявления.

Т.Д.: Правильно ли я понимаю, что признаки коллективного субъекта прослеживаются в деятельности разных профессиональных групп? Например, в области искусства согласованное исполнение группой музыкантов какого-либо произведения обычно сопровождают термином “ансамбль”...

А.Ж.: Абсолютно правильно! В качестве синонимов термина “команда” часто употребляют “ор-

кестр”, “ансамбль”. Участников оркестра связывает совместная музыкальная деятельность. Есть очень хорошие музыкальные коллективы, оркестры, которые являются лучшими образцами коллективного субъекта. Но нельзя лишать возможности называться субъектом и те музыкальные коллективы, которые не проявляют все признаки коллективного субъекта.

Т.Д.: *То есть речь идет об уровнях выраженности признаков коллективного субъекта?*

А.Ж.: Да, но не только. В двух сопоставляемых группах могут быть выражены все признаки, но уровень их выраженности, как Вы говорите, будет разный. В другом случае не все признаки могут быть выражены, а только основные — взаимосвязанность, взаимозависимость, совместная активность.

Т.Д.: *Все, что Вы сказали, относится к малым реальным группам, но у Вас есть еще и публикации о коллективном субъекте на примере больших социальных групп. Правильно ли я понимаю, что Вы развиваете свои представления о коллективном субъекте на новом уровне анализа, в контексте психосоциального подхода?*

А.Ж.: В Вашем вопросе прослеживается тема перспектив исследований совместной деятельности и коллективного субъекта. В настоящее время эта тема для меня является приоритетной.

Большие социальные группы как коллективные субъекты наделены субъектными свойствами. Теоретическая проблема развития этого направления исследования связана с выделением *новых признаков субъектности* больших социальных групп. Трудность решения этой задачи определяется отличительными характеристиками больших социальных групп. Речь идет о слабых связях между членами группы; размытости, нечеткости границ больших групп; многообразии целей групповой деятельности и т.п. Поскольку признаки коллективного субъекта, выделенные на первичных трудовых коллективах (они отличаются тесными связями между людьми), не могут автоматически быть перенесены на большие социальные группы, то для меня как исследователя представляет интерес выявление признаков субъектности больших социальных групп со слабыми внутренними связями между членами этих групп. Вследствие того что большие социальные группы не имеют четко очерченных границ, в них наблюдается интенсивная динамика членов группы (сегодня он в одной группе, завтра — в другой), неопределенность членства (непонятно, он в этой группе или в другой). Все это также осложняет формирование представлений

о признаках субъектности таких групп. Наконец, еще одно обстоятельство, порождающее проблему исследования. Если первичные группы построены на единстве целей, то большие социальные группы могут иметь разные цели, хотя при этом члены большой группы тоже интегрируются. Таким образом, остается открытым вопрос о факторах и механизмах интеграции большой социальной группы с точки зрения ее анализа как коллективного субъекта. В качестве примера можно привести так называемые “протестные группы”. В них нет единой цели, но их протестные действия носят совместный и активный характер. Их совместность построена на единстве оценок социальной ситуации, ожиданий, взглядов, позиций и т.п.

Все вышесказанное порождает необходимость формирования принципиально иных, новых представлений о совместной деятельности, точнее, о *совместной активности* членов больших социальных групп. Традиционные же представления о коллективном субъекте здесь могут включать в себя какие-то новые, дополнительные признаки или характеризоваться другой их совокупностью, хотя в последнем я сомневаюсь. В условиях слабых групповых связей нецелесообразно выделять взаимосвязанность и взаимозависимость членов группы как важнейший признак коллективного субъекта. Поэтому в таком направлении я не вижу перспективы развития концепции коллективного субъекта. Думаю, более перспективным является изучение не столько субъектности малых групп и первичных коллективов, сколько субъектности больших социальных групп, включая даже предполагаемые глобальные сетевые сообщества.

Т.Д.: *Завершая сегодняшний разговор, не могу не спросить следующее. Скажите, анализируя свой вклад как ученого-исследователя в развитие отечественной социальной психологии и ее прикладных отраслей, что бы Вы поставили на первое место? Я имею в виду разработку каких феноменов? А на второе, третье места? И почему?*

А.Ж.: Это очень сложный вопрос! Дать оценку своему труду не смогу, но я попробую построить некую иерархию своих исследовательских приоритетов, которые были мною реализованы в результате выполнения крупных научных программ.

На первое место я бы поставил концептуальные представления о совместной деятельности и коллективном субъекте. Второе место по значимости для меня занимает концепт “управленческое взаимодействие”, которое в моем понимании реализуется в тесной связи двух элементов “руководство” и “исполнение”. Это позволило мне разработать представления об исполнительской деятельности,

свойствах исполнительской деятельности и исполнителей, психологических типах исполнительской деятельности и исполнителей. Третье, что хотелось бы выделить, — это исследования социально-психологической динамики в условиях радикальных социально-экономических изменений. Они были связаны с изучением разных явлений, но позволили принять непосредственное участие, включиться в процесс становления и развития отечественной экономической психологии. Эти работы выполнялись в 90-е годы прошлого века и в начале 2000-х годов. Если говорить здесь о конкретном феномене, то следует упомянуть разработку “социально-психологической динамики”, т.е. динамики социальной психологии личности и группы. Прежде всего личности работника и трудового коллектива. На четвертое место я бы поставил концепцию зонального взаимодействия социально-психологических и социально-экономических феноменов. С позиции разработанности феноменов речь идет о “взаимодействии социально-экономических и социально-психологических феноменов” или более обобщенно — социально-психологических и непсихологических феноменов. Их разработка состоит в том, что я выделил принципиально различные зоны этого взаимодействия, где приоритетными, ведущими выступают разные феномены. Существование многообразия таких зон, по моему мнению, интересная идея, и она будет в дальнейшем использоваться в более широком плане. Ну и пятое, последнее, — это конечно концептуальные представления о роли, месте, признаках нравственной элиты в современном обществе. Исследованиям нравственной элиты, которые были выполнены совместно с моими коллегами⁶, предшествовало порождение самой идеи о роли нравственной элиты в социальных группах. По моему мнению, суть нравственной элиты состоит не в ее исключительности, избранности, а в том, что каждая устойчивая социальная группа включает носителей этого феномена. Понимание роли таких людей с выраженными нравственными устоями в большой социальной группе лично для меня имело высокую ценность.

Говоря о своих научных приоритетах, я задумался над тем, а собственно по каким же показателям об этом можно судить? Для меня принципиально важно то, что есть показатели значимости, а есть показатели достижения. К последним относятся: востребованность исследований, их цитируемость, обсуждение с коллегами, включение в какие-то хрестоматии по психологии труда, социальной, организационной психологии и т.п. Однако удовле-

творенность самого исследователя тоже должна приниматься во внимание. Я выстроил выше иерархию из пяти приоритетных для себя направлений исследований в области социальной психологии, социальной психологии труда, социальной психологии личности, социальной психологии группы, социальной психологии организации. Все они, конечно, вызывали удовлетворенность тем, что и как я делал, да и сейчас вызывают приятные воспоминания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Качественный анализ материала интервью позволил выявить ряд исторических фактов, раскрывающих особенности становления психологии управления как прикладной отрасли отечественной социальной психологии. Обнаружено, что социальными предпосылками ее формирования выступили: особая социально-историческая среда, социальная востребованность общества, поддержка правительственных структур в изучении психологических факторов управленческой деятельности. Признаком институционализации психологии управления можно рассматривать защиту первой в стране диссертационной работы, выполненной А.Л. Журавлевым под научным руководством В.Ф. Рубахина и по инициативе и при поддержке Б.Ф. Ломова в Институте психологии АН СССР, а также проведение тематических научно-практических конференций, выпуск научных трудов, подготовку учебных программ и пособий. Внутренние законы развития нового научного направления определяли социально ориентированные отрасли психологии, характерные для 1970-х годов, а также некоторые конкретные области социально-психологических исследований. Выявлены направления изменений приоритетов научных исследований от психологии управления к организационной психологии. В частности, обнаружено, что за прошедшие годы (с 1976 г.) возрос интерес к изучению влияния организационных факторов на психологию работников и трудовых коллективов. То есть снижение научного интереса к практике руководства коллективами и проблемам психологии управленческого взаимодействия сопровождалось возрастанием интереса к изучению психологических факторов организационного поведения. Психология управления как прикладная отрасль прежде всего социальной психологии и психологии труда постепенно стала составной частью более крупной междисциплинарной отрасли — организационной психологии.

⁶ Речь идет о А.Б. Купрейченко и М.И. Воловиковой.

Научные исследования в области психологии управления способствовали формированию представлений о новых социально-психологических феноменах — “коллективном субъекте” и “совместной деятельности”, которые долгое время разрабатывались как *микросоциальные* психологические феномены. В частности, А.Л. Журавлевым были выделены признаки коллективного субъекта, построенные на анализе взаимодействия в трудовых коллективах и спортивных командах. В современных условиях развития общества, в ситуации возрастания роли глобальных процессов данные феномены получили новое направление исследований в области *макросоциальной* психологии — психологии больших социальных групп и сообществ.

Концепция коллективного субъекта на примере больших социальных групп, сформировавшаяся в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, может быть рассмотрена как *новое научное направление исследований*, целью которого является выявление и анализ признаков субъектности больших социальных групп, характеризующихся слабыми связями и взаимными зависимостями членов группы, размытостью, нечеткостью границ таких групп, многообразием целей совместной активности и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. 2-е изд. СПб.: Питер, 2001.
2. *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968.
3. *Гвишиани Д.М.* Социология бизнеса. Критический очерк американской теории менеджмента. М.: Социально-экономическая литература, 1962.
4. *Гвишиани Д.М.* Организация и управление: социологический анализ буржуазных теорий. М.: Наука, 1970.
5. *Гвишиани Д.М.* Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М.: Наука, 1972.
6. *Григорьев С.В.* “Игры сознания” и биографические исследования в этнопсихологии // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1995. С. 57–76.
7. *Журавлев А.Л.* Стиль и эффективность руководства производственным коллективом. Дисс. канд. психол. наук. М.: ИП АН СССР, 1976.
8. *Журавлев А.Л.* Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
9. *Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью) // Социальная и экономическая психология: Часть 2. Новые научные направления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 11–44.
10. *Каменищев С.Е.* Основы управления промышленным производством. М.: Экономика, 1971.
11. *Квале Ст.* Исследовательское интервью. 2-е изд. М.: Смысл, 2009.
12. *Логонова Н.А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учеб. пособие. Алматы: Казак университеті, 2001.
13. Методы управления социалистическим производством / Под ред. Г.Х. Попова. М.: Экономика, 1971.
14. *Попов Г.Х.* Проблемы теории управления. М.: Экономика, 1970.
15. *Свенцицкий А.Л., Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* История и опыт социально-психологической школы факультета психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А.Л. Свенцицким) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 93–122. <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-1/s18-1-07.html> (дата обращения: 12.12.2018).
16. *Семенов В.Е., Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* История и опыт социально-психологической школы НИ-ИКСИ Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 197–229. <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document354.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
17. *Чернышев А.С., Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* Теоретический и практический опыт научной школы Уманского—Чернышева: история и перспективы (интервью А.С. Чернышева в связи с его 80-летием и 45-летием кафедры психологии Курского государственного университета) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 223–255. <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document326.pdf> дата (обращения: 12.12.2018).
18. *Eiduson B.T.* Scientists: Their psychological world /Foreword by Harrison Brown. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1962.

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL INTERESTS OF A SCIENTIST AS AN OBJECT OF BIOGRAPHICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS (ON THE MATERIAL OF INTERVIEW)⁷

T. V. Drobysheva*, A. L. Zhuravlev**

Institute of Psychology RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.

* *Ph.D. in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology.*

E-mail: tdrobysheva@mail.ru

** *Academician of the Russian Academy of Sciences, scientific supervisor of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.*

E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru Academician

Received 24.12.2018

Abstract. The article presents the results of a study carried out in the direction of the psychology of scientific creativity. The purpose of the study was to analyze the formation and development of scientific interests of a particular scientist — Academician of the Russian Academy of Sciences A.L. Zhuravleva. The methodological basis of the work was the psychobiographical approach of B.G. Ananyev. The author's version of the research biographical interview was used as the main research method. The content of the research material includes the scientist's memories of events related to the development of the applied branch of social psychology — management psychology and its connection with management practice; the formation of scientific ideas about the “collective subject” and “joint activity”. Outlines the representation of the scientist in the direction of the development of macrosocial problems in social psychology. The paper addresses the issue of the contribution of the scientific activities of A.L. Zhuravlev in the development of social psychology.

Keywords: history of national social psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, research biographical interview, personality and professional activity of a scientist, professional interests, A. Zhuravlev.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* O problemah sovremennogo chelovekoznanija. 2-e izd. St. Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)
2. *Afanas'ev V.G.* Nauchnoe upravlenie obshchestvom: Opyt sistemnogo issledovaniya. Moscow: Politizdat, 1968. (In Russian)
3. *Gvishiani D.M.* Sociologiya biznesa. Kriticheskij ocherk amerikanskoj teorii menedzhmenta. Moscow: Social'no-ehkonomicheskaya literatura, 1962. (In Russian)
4. *Gvishiani D.M.* Organizaciya i upravlenie: sociologicheskij analiz burzhuaznyh teorij. Moscow: Nauka, 1970. (In Russian)
5. *Gvishiani D.M.* Ehvoljuciya form organizacii nauki v razvityh kapitalisticheskikh stranah. Moscow: Nauka, 1972. (In Russian)
6. *Grigor'ev S.V.* “Igry soznaniya” i biograficheskie issledovaniya v ehtnopsihologii // Soznanie lichnosti v krizisnom obshchestve. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1995. P. 57–76. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L.* Stil' i ehffektivnost' rukovodstva proizvodstvennym kollektivom. Diss. kand. psihol. nauk. Moscow: IP AN SSSR, 1976. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L.* Social'no-psihologicheskij analiz ispolnitel'skoj deyatel'nosti // Psihologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 1. P. 6–16. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V.* K istorii stanovleniya i razvitiya laboratorii social'noj i ehkonomicheskaj psihologii Instituta psihologii RAN (po materialam interv'yu) // Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya: Chast' 2. Novye nauchnye napravleniya. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. P. 11–44. (In Russian)
10. *Kamenicer S.E.* Osnovy upravleniya promyshlennym proizvodstvom. Moscow: Ehkonomika, 1971. (In Russian)
11. *Kvale St.* Issledovatel'skoe interv'yu. 2-e izd. Moscow: Smysl, 2009. (In Russian)
12. *Loginova N.A.* Psihobiograficheskij metod issledovaniya i korrekcii lichnosti: Uchebnoe posobie. Almaty: Kazak universiteti, 2001. (In Russian)
13. *Metody upravleniya socialisticheskim proizvodstvom / Ed. G.H. Popov.* Moscow: Ehkonomika, 1971. (In Russian)

⁷ The research was executed according to the state assignment № 0159-2018-0003 “Psychology of a collective subject in the changing conditions of joint activity”.

14. *Popov G.H.* Problemy teorii upravleniya. Moscow: Ehkonomika, 1970. (In Russian)
15. *Svencickij A.L., Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V.* Istoriya i opyt social'no-psihologicheskoy shkoly fakul'teta psihologii Sankt-Peterburgskogo (Leningradskogo) gosudarstvennogo universiteta (Interv'yu s A.L. Svencickim) // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2018. V. 3. № 1 (9). P. 93–122. <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-1/s18-1-07.html> (data obrashcheniya: 12.12.2018). (In Russian)
16. *Semenov V.E., Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V.* Istoriya i opyt social'no-psihologicheskoy shkoly NIIKSI Sankt-Peterburgskogo (Leningradskogo) gosudarstvennogo universiteta // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2017. V. 2. № 2. P. 197–229. <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document354.pdf> (data obrashcheniya: 12.12.2018). (In Russian)
17. *Chernyshev A.S., Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V.* Teoreticheskij i prakticheskij opyt nauchnoj shkoly Umanskogo-Chernysheva: istoriya i perspektivy (interv'yu A.S. Chernysheva v svyazi s ego 80-letiem i 45-letiem kafedry psihologii Kurskogo gosudarstvennogo universiteta) // Institut psihologii RAN. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016. V. 1. № 4. P. 223–255. <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document326.pdf> (data obrashcheniya: 12.12.2018). (In Russian)
18. *Eiduson B.T.* Scientists: Their Psychological World / Foreword by Harrison Brown. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1962.